

РАЗДЕЛ 1. ОБНОВЛЕННАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ: ОТ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ К ПРИКЛАДНЫМ ЗАДАЧАМ

Тарасевич В.Н., д.э.н., профессор,
УО «Национальная металлургическая академия Украины»
г. Днепропетровск, Украина
v_tarasevich@list.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В ряду отнюдь не «титовых» для господствующей поздней неоклассической ортодоксии проблем, которые обнажил и обострил новейший мировой кризис, одной из наиболее значимых стала экспансия *государственного капитализма* (далее – госкапитализма). К явному неудовольствию приверженцев ортодоксии весьма влиятельный британский еженедельник «The Economist» без обиняков называет один из своих специальных докладов «State capitalism» и констатирует прямое влияние на углубление кризиса либерального капитализма набирающего обороты госкапитализма, который оперирует изощренным инструментарием и вознамеривается соединить преимущества государства с преимуществами капитализма [1]. Разумеется, дело не столько в самом словосочетании, употребление которого, кстати, считается признаком дурного тона в фундаменталистских кругах и которое зачастило на страницах и пронеоконсервативной прессы (это – еще победы), и *main stream*-овской научной литературы (что значительно неприятнее), сколько в тех *абсолютно очевидных экономических реалиях* последних лет, которые не «вписываются» не только в «жесткое ядро», но и в «защитный пояс» неоклассики.

Вопреки ее постулатам и проповедуемому «здравому смыслу», правительства многих стран, в том числе экономически развитых, в борьбе с кризисом не погнушались ни национализацией, пусть даже частичной, ни прямой поддержкой тонущих «флагманов», ни административными запретами и ограничениями, ни многими другими «антирыночными» мерами. Как это ни покажется ортодоксам «странным и чудовищным», но именно в странах с пассивным и слабым государством кризис оказался сравнительно более глубоким, депрессия – более продолжительной, а циклический подъем – более вялым. В связи с этим вполне уместными представляются вопросы о природе современного госкапитализма; его особенностях и границах в условиях глобализации и «вездесущести» могущественных ТНК; его адекватности сетевой экономике, V и VI укладам развитого центра, экономическому подъему Китая и Индии, деиндустриализации постсоветских новых независимых государств. По всей видимости, фундаментальная экономическая наука начала XXI столетия столкнулась с вызовами, соразмерными вызовам времен мировых войн и Великой депрессии, распада колониальной системы и СССР. На сей раз перманентная экспансионистская победа капитала, теперь уже глобального, может стать пирровой. Впрочем, для так и не преодолевшей трансформационный спад Украины она (победа) становится таковой на наших глазах, в том числе, по причине маргинальности и неэффективности национального госкапитализма. В связи с этим в настоящей статье внимание акцентируется на содержательных аспектах коэволюции капитализма и государства, а также особенностях госкапитализма в России и Украине.

Если не покидать предметное и категориальное пространство тех экономических учений, в исследовательскую проблематику которых входит госкапитализм, то следует признать его реальное существование там и постольку, где и постольку сосуществуют и взаимодействуют капиталистическое товарное производство и государство¹. В *каждую капиталистическую эпоху*, будь-то первоначальное накопление капитала, свободная конкуренция, монополистический и государственно-монополистический капитализм, современная капиталистическая транснационализация и глобализация, госкапитализм обретает все новые качества, не предавая забвению ранее обретенные.

На известном этапе *первоначального накопления капитала* буржуазия разuverилась в феодальном государстве, которое оказалось неспособным удовлетворить даже ее минимальные требования – ликвидировать монопольные права гильдий и цехов, чрезмерную регламентацию ремесла и торговли. К тому же она не могла мириться с присвоением огромных богатств новых заморских владений праздною аристократией. Действуя заодно с Историей, буржуазия захватывает политическую власть и начинает активно использовать государственную «машину», в том числе ее феодальные и абсолютистские «механизмы», в своих интересах. В условиях относительного дефицита частнокапиталистического накопления государству поручается роль ведущего капиталиста. Оно разворачивает масштабное строительство крупных заводов, фабрик, инфраструктурных объектов, налаживает их работу и многие из них передает (безвозмездно или с выкупом) в частные руки; щедро субсидирует землей, крепостными крестьянами, финансовыми ресурсами мелких и средних буржуа, которые обязуются развивать приоритетные отрасли и производства. В законодательном порядке запрещаются коалиции, ограничиваются права нищих, открываются работные дома, регулируется величина заработной платы и таким образом армия наемного труда формируется и действует в соответствии с волей буржуазных «командиров». Военная мощь государства используется для захвата и практически неприкрытого ограбления колоний.

В первой трети XIX века в наиболее крупных европейских странах буржуазия прочно встает на свои собственные ноги в том смысле, что ее совокупные активы становятся сопоставимыми с государственными, а объемы капитализиру-

¹ «... государственный капитализм есть налицо – в той или иной форме, в той или иной степени – всюду, где есть элементы свободной торговли и капитализма вообще» [2].

емой прибыли – с объемами госинвестиций. *Свободная конкуренция*, торговля и предпринимательство – мечта первых буржуа – побеждают и доминируют. Но потомки первых буржуа не только не отказываются от уже привычных услуг государства, модернизируя их сообразно обстоятельствам, но и со знанием дела изобретают новые и/или хорошо забытые старые, выгодные, прежде всего, для себя. В частности, речь идет об акционерном и кредитном законодательстве; приватизации наиболее прибыльных объектов госсобственности; учреждении госбанков с целью льготного кредитования частного предпринимательства; масштабных налоговых льготах; организации госмонополий на производство и сбыт некоторых потребительских товаров (табак, спирт и др.), призванных пополнять государственную казну, перманентно опустошаемую политическими победителями.

Абсолютное господство свободной конкуренции оказалось непродолжительным – не более полувека. Идеал померк перед корыстным интересом. Уже во время мирового экономического кризиса 70-х гг. XIX ст. национальная буржуазия призывает государство к защите своего бизнеса от иностранной конкуренции. Казалось бы, забытый со времен меркантилизма протекционизм вновь становится знаменем экономической политики европейских государств и США. Но для большинства буржуа результаты его последовательной реализации оказались и неожиданными, и неприятными. Относительно ограниченное рыночное пространство стало одним из катализаторов объективных процессов концентрации производства и капитала, порождения конкуренцией олиго- и монополий. Между немногочисленной крупной и массовой мелкой буржуазией разверзлась труднопреодолимая пропасть. Новым условиям противостояния а) национальных отрядов буржуазии между собой; б) крупной и мелкой буржуазии; в) буржуазии и наемных работников, а также известной пробуржуазной ангажированности государства и его слабости как представителя общества в целом вполне отвечали мировые катаклизмы первой половины XX ст. и формирование особых национальных моделей *монополистического и государственно-монополистического капитализма*².

Несмотря на различия, их объединяют базовые госкапиталистические основания. Поэтому отнюдь не случайна однотипность конкретных механизмов, форм и инструментов их реализации. Прежде всего, обращают на себя внимание существующие поныне разные формы сочетания экономической мощи крупнейшей буржуазии и политической, военной мощи государства, как-то: финансово-политическая олигархия³, личная уния бизнесменов и политиков, чиновников, лоббирование, логролинг и т. п. Как говорится: «Рука руку моет». Совершенствуется инструментарий господдержки крупного капитала, в том числе: государственная контрактная система, госзаказы и госгарантии, целевые госрасходы, среди прочего, и в порядке бюджетно-дефицитного финансирования, призванные обеспечивать устойчивый рынок сбыта для олиго- и монополий. Утверждается практика налоговых льгот, ускоренной амортизации, различных методов скрытого субсидирования крупного бизнеса. В известном смысле, вся сложнейшая система государственного регулирования экономики, прежде всего, финансового, денежно-кредитного и антициклического, выстраивается и настраивается по камертону интересов крупной буржуазии.

Но последняя уже научена горьким опытом и отнюдь не заинтересована в антагонизации противоречий с мелкой и средней буржуазией, рабочим классом, в экономической и социально-политической нестабильности. Ей нужны квалифицированные ученые, «белые» и «синие воротнички», а также достаточно состоятельные потребители продукции ее предприятий. К тому же она не может не реагировать на демонстрационные эффекты социальных реформ в социалистическом «лагере», усиливающееся внутреннее давление не только низших, но и средних слоев. Государство получает карт-бланш на активные действия как и совокупный капиталист, и представитель всего народа, и центр согласования интересов различных социальных слоев, политических сил и экономических субъектов. Так возникает и утверждается знаменитое социальное государство, «государство благосостояния» с развитой системой социально-экономического прогнозирования, программирования и индикативного планирования, эффективным антимонопольным регулированием и весьма благоприятным бизнес-климатом, разветвленной сетью социальных гарантий, государственным финансированием науки, образования, здравоохранения, культуры, устойчивым средним классом, конкурентоспособной и динамичной экономикой, мирным и относительно безболезненным разделом рынков между развивающимися ТНК в рамках формирующихся международных интеграционных группировок.

Разумеется, чтобы справиться со столь масштабными задачами, государство должно было обладать соответствующими ресурсами и относительно независимыми от частных фирм и домашних хозяйств источниками доходов. Поэтому вполне логичными представляются его небезуспешные усилия по значительному увеличению доли ВВП, перераспределяемой через государственный бюджет, удельного веса потребительских расходов в ВВП, часть которых принимает форму инвестиций в человеческий капитал, а также расширению государственного сектора, в том числе, за счет госинвестиций в капиталоемкие объекты, активизации госпредпринимательства, образования государственно-частных предприятий.

«Государство благосостояния» вполне отвечало условиям позднего индустриализма, но оказалось весьма уязвимым перед вызовами вызревшего в его лоне постиндустриализма. Впрочем, объяснение его (социального государства) кризиса причинами постиндустриального свойства представляется недостаточным. Немаловажную роль сыграли и очевидные преимущества социализированного госкапитализма стран «золотого миллиарда» в сравнении с госкапитализмом советского типа. Реакция крупной буржуазии на нарастание указанных преимуществ стала вполне предсказуемой: агрессивная капитализация и снижение темпов социализации экономики и общества. Распад социалистической системы и СССР стал прекрасным поводом для ее (социализации) приостановки. Безусловно приоритетными стали иные задачи. Одна шестая

² В этом контексте результатом революционных событий и гражданской войны в России стало утверждение особого тотального госкапитализма, всеобщей государственной монополии, отягощенной феодальным наследием и дополняемой элементами социализации и частнокапиталистического присвоения.

³ Финансовый капитал, как синергия взаимодействия промышленного и банковского капитала, находит верных слуг среди не только капиталистов-бизнесменов, но и политиков и чиновников.

часть суши была открыта для экспансии *транснационального капитала*, и в свои права вступила эпоха *капиталистической глобализации*.

Казалось бы, в этих условиях государственное «пространство» должно сжиматься подобно шагреновой коже, а госкапитализм несовместим с «концом истории» (Ф. Фукуяма) и окончательной победой неоконсерватизма и неолиберализма. В самом деле, разве не об «уходе государства» свидетельствует рост количества ТНК, годовые объемы продаж которых превышают ВВП многих стран; передача ключевых государственных полномочий на наднациональный уровень в ЕС (например, исключительные кредитно-денежные права ЕЦБ); широкомасштабная приватизация; дерегулирование рынков, прежде всего финансовых; относительное сокращение социальных расходов; ряд других мер, хорошо известных из практики «рейганомии» и «тетчеризма»; а также поистине «героические» усилия государств новых независимых стран по «высвобождению свободных рыночных сил». О пагубных последствиях тотальной деэтизации экономик этих стран написано уже немало, но тема по-прежнему актуальна. К ее госкапиталистическому аспекту мы еще вернемся. В отношении же экономик развитых (США, ФРГ, Япония и др.) и динамично развивающихся стран (Бразилия, Индия, Китай, Мексика, Сингапур и др.) картина представляется не столь однозначной.

Во-первых, даже в весьма успешные годы до новейшего кризиса государство не сдало в архив ни одну из апробированных ранее форм, методов и инструментов влияния на экономику. Варьировали их качественные и количественные характеристики, но набор, состав – отнюдь не оскудел. Так, практически не изменилась доля ВВП, перераспределяемая через госбюджет; политика ЕЦБ вполне отвечала государственным интересам ФРГ и Франции – лидеров ЕС; субститутами передачи значительной части государственных активов в частные руки стали новые, гибкие формы государственного контроля и управления («золотая акция», сертификаты участия в инвестициях, внушительное представительство в руководящих органах корпораций, особые права государства – миноритария и др.); по ряду позиций было ужесточено антимонопольное законодательство; сокращение «патерналистской» составляющей социальных расходов сопровождалось ростом их «профилактической» и активистской составляющих.

Во-вторых. Разумеется, меры правых правительств по «усечению» государства не лишены оснований. Бюрократизм, проволочки, дублирование функций, экономическая безответственность, коррупция – перечень «грехов» даже самого демократического государства может быть продолжен. Но именно «усеченное» государство оказалось не способным предвидеть и предотвратить катастрофу на рынке деривативов, противостоять чрезмерному ипотечному и потребительскому кредитованию и перегреву экономики, сконцентрировать необходимые ресурсы на ускоренном развитии производств VI технологического уклада, их доведении до привлекательного для частного бизнеса уровня прибыльности и таким образом до предела сократить неизбежную технологическую паузу и переориентировать предпринимательскую активность и ресурсы из финансового в реальный сектор экономики, принять другие упреждающие меры. Совершенно очевидно, что «избыток» государства сосуществует с его «дефицитом». В этом феномене нужно тщательно разбираться, а не постулировать «презумпцию виновности» государства.

В-третьих, в период новейшего кризиса государство было мобилизовано в полном смысле этого слова, и в антикризисных «боях» нашлось место для большинства «вооружений», накопленных за почти 200-летнюю историю антикризисных «войн». В этом смысле новейший кризис не стал уникальным. Его подлинная новизна состоит в том, что государство и госкапитализм понадобились для борьбы с кризисом глобального, транснационального капитализма, *вне(над)государственного* по своим амбициям и потенциям. Стало очевидным вполне банальное обстоятельство: глобальный капитал не витает в междумировых пространствах, подобно богам Эпикура, а в обязательном порядке находится в какой(их)-либо стране(ах) (даже в режиме on-line), так или иначе взаимодействует с ее(их) экономикой(ами) и государством(ами).

Относительно неожиданными стали решительные и достаточно успешные действия некоторых активно развивающихся стран, прежде всего, Бразилии, Индии и Китая, по противостоянию попыткам развитого центра во главе со США «делегировать» свои «кризисные проблемы» на периферию и посредством международных финансовых механизмов («пылесосов» и «насосов») получить столь необходимые в условиях кризиса ресурсы, главным образом, «благотворительные».

Наступление госкапитализма является весьма впечатляющим и убедительным. В его авангарде – новые государственные предприятия (SOE), предприятия с государственной поддержкой (SSE) – так называемые национальные чемпионы, мощные государственные холдинги, миноритарные пакеты акций под управлением государства (SONC), частично приватизированные предприятия (PPF), государственные банки развития, суверенные фонды благосостояния (SWF), объединяющие фонды сбережений и развития. Мощные госкомпании становятся глобальными лидерами. Так, по данным ЮНКТАД, «родиной» 285 из 653 (почти 44%) крупнейших *государственных* ТНК являются экономически развитые страны, главным образом, европейские – Дания, Франция, Норвегия, Финляндия, Германия, Швеция. В списке 50 крупнейших компаний, публикуемых газетой «Times», еще в 2004 г. госкомпании отсутствовали, а в 2011 их насчитывалось уже 11. По уровню капитализации они заняли ведущие позиции: 2-е место – Petro China, 4-е – Industrial & Commercial Bank of China, 5-е – Petrobras (Бразилия), 7-е – China Construction Bank. Мексиканская Cemex стала третьей в мире цементной компанией. В списке ведущих 20 глобальных компаний журнала «Forbes» в 2008 г. не было ни одной государственной, а в 2012 г. их стало 6 [3, с. 12–13, 1–2].

Разумеется, указанный прорыв был бы невозможен, если бы государство не «фабриковало фабрикантов» (К. Маркс) в массовом порядке в границах национальной экономики. Например, на госпредприятиях (с мажоритарным и миноритарным участием государства) экономически развитых стран производится значительная и достаточно стабильная доля ВВП: в Австрии – 27%, Великобритании, Голландии – 36%, Дании – 37%, Испании – 38%, Италии – 24%, Франции – 33%, ФРГ – 54%. Китайское государство является крупнейшим акционером около 150 ведущих национальных корпораций и по-прежнему руководит тысячами предприятий; в Сингапуре государство – собственник пакетов акций компаний, совокупный

объем продаж которых составляет около 60% ВВП страны; 80% капитализации фондового рынка Китая, 60% – России, 40% – Бразилии принадлежит корпорациям с мажоритарным или миноритарным участием государства [3, с. 1, 2, 4, 5].

Наряду с использованием опыта укрепления экономического суверенитета стран, освободившихся из-под колониальной зависимости в первой половине прошлого столетия⁴, правительства активно развивающихся стран успешно осваивают новые для себя формы госкапитализма, как-то: регулирование слияний и поглощений с целью «выращивания» национальных чемпионов, финансовое влияние на политику корпораций с миноритарным государственным участием посредством государственных банков (фондов) развития, использование инструментов «нового государственного управления». Например, в соответствии с последним для новых госпредприятий характерны: котировка акций на фондовых биржах с целью рыночного контроля качества менеджмента, набор персонала из ведущих частных компаний, ограничения на прямое и косвенное государственное субсидирование, независимость членов совета директоров, международный аудит и др. [3, с. 18, 33].

Исторические факты свидетельствуют, что в условиях кризиса и депрессии государственная активность относительно возрастает, а в условиях подъема – падает. Но не менее убедительна и эмпирическая правильность постепенного роста кумулятивного эффекта этатизации экономики в длительном историческом периоде. Таким образом, не лишен исторических оснований вывод о *циклично-поступательном характере эволюции госкапитализма*.

С ее современной повышательной фазой явно диссонирует экономическая ситуация в России и, особенно, в Украине. В самом деле. После ощутимого падения ВВП и промышленного производства в кризисном 2009 году, в самом начале 2010 года Правительство РФ инициирует «новую приватизацию», направленную, в частности, на существенное расширение перечня секторов (отраслей) экономики, предприятия которых приватизируются, приватизацию ряда крупнейших бюджетобразующих компаний, привлечение внебюджетных инвестиций в развитие приватизируемых предприятий [4, с. 15]. «Уход» государства осуществляется по апробированной схеме: государственные органы управления преобразуются в агентства, агентства – в государственные унитарные предприятия, затем последние акционируются, следующий шаг – приватизация принадлежащих государству пакетов акций, а также дополнительная эмиссия акций с целью «вытеснения» государства. Его небольшая доля сохраняется, главным образом, с целью реализации возможностей бюджетного финансирования и страхования предпринимательских рисков бюджетными средствами. Юридический статус госучреждений и организаций перманентно преобразуется в направлении снижения уровня реализации функций государства как собственника. При этом по-прежнему отсутствует законодательство, регулирующее управление госсобственностью, в том числе, пакетами акций государства в акционерных обществах [5, с. 31, 32, 44–45].

Масштабы государственного антикризисного активизма в Украине уступают российским. Докризисный уровень ВВП и промышленного производства не достигнут, прежде всего, по причине слабости и неэффективности государства. Глубина и масштабы украинской приватизации превышают российские. Приватизированы практически все эффективные предприятия и значительная часть стратегических объектов. Если в России борьба сил «национализации» и «приватизации» государства идет с переменным успехом, то в Украине государство преимущественно «приватизировано» в том смысле, что его решения и действия в значительной степени отвечают интересам крупной олигархической буржуазии, к сожалению, не владеющей талантами видения стратегических перспектив Украины, которые отвечают коренным *общенародным* интересам.

Таким образом, с учетом современных реалий несомненным шагом вперед для Украины является формирование демократического и социализированного государственного капитализма с некоторыми чертами белорусского. Связанные с этим научные проблемы требуют специального рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

1. State Capitalism. Special report // The Economist. – 2012. – January 21.
2. Дмитриева, О.Г. Особенности управления государственной собственностью в Российской Федерации / О.Г. Дмитриева // Российский экономический журнал. – 2013. – № 2. – С. 30–46.
3. Ленин, В.И. Полн. собр. соч. – Т. 43. – С. 222.
4. Радыгин, А., Симачев, Ю., Энтов, Р. Государство и разгосударствление: риски и ограничения «новой приватизационной политики» / А. Радыгин, Ю. Симачев, Р. Энтов // Вопросы экономики. – 2011. – № 9. – С. 4–26.
5. Кондратьев, В.Б. Государственный капитализм на марше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.perspektivy.ru>. – ПЕРСПЕКТИВЫ. Фонд исторической перспективы.

⁴ В частности, речь идет о решительной поддержке национального капитала и ограничении экспансии иностранного, формировании мощного госсектора с целью мобилизации внутренних ресурсов и преодоления колониально-сырьевой структуры экономики, усилении общенациональной составляющей государственного экономического регулирования.